

21. Fredricksmeyr E. A. Three Notes on Alexander's Deification // AJAH. — 1979. — V. 4.
22. Calder W. M. Alexander's House (Pausanias 8.32.1) // GRBS. — 1982. — V. 23.
23. Hammond N. G. L. Macedonian State: Origins, Institutions and History. — Oxford, 1992.
24. Hammond N. G. L., Walbank F. A History of Macedonia. — V. 3. — Oxford, 1988.
25. Williams J. M. Demades' Last Years, 323/2–319/8 BC: A «Revisionist» Interpretation // AW. — 1989. — V. 19.
26. O'Sullivan L. L. Athenian Impiety Trials in the Late Fourth Century B. C. // CQ. — 1997. — V. 47. — N. 1.
27. Derenne E. Les proces d'impiete intentes aux philosophes a Athenes au Vme et au IVme siecles av. J. S. — Liege: Paris, 1930.
28. Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в религиозном нечестии в Афинах во второй половине V в. до н. э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. — СПб., 1998.

Резюме

У роботі з'ясовується ставлення до культу правителів у антимакедонській пропаганді, що поширювалася в Афінах за часів Ламійської війни (323–322 рр. до н. е.). Аналізуючи відомий фрагмент «Надгробної промови» оратора Гіперіда [Нур. VI, 20–22], автор доводить, що культ правителя в афінській пропаганді тих часів розглядався як найбільш тяжкий злочин македонян, що призвів до руйнування релігійних устоїв. У цьому контексті війна проти Македонії перетворювалася на священну боротьбу за відновлення «пошани богам». У внутрішньому житті полісу ця боротьба знайшла свій вираз у судовому переслідуванні колишніх прихильників Македонії за звинуваченням в релігійному блюзнірстві. Проте уся ця боротьба та пропаганда переслідувала лише політичні цілі, а у демонстративному несприйнятті царського культу відбивалася у першу чергу ненависть до Македонії, а не релігійні уявлення.

Summary

The subject of this paper is the attitude to the ruler-cult in the anti-macedonian propaganda spreading in Athens at the time of Lamian war (323–322 B. C.). Analysing the famous passage from Hyperides' «Funeral Oration» [Nur. VI, 20–22], the author shows that ruler-cult in Athenian propaganda was shown as the most evil crime of Macedonian despotism, which had led to the destruction of religious piety. In this context the war against Macedonia turned out into sacred fight for the restoration of gods honour. Inside the polis this fight was expressed in the impiety trials against the former Macedonia sympathizers. But the aims of this fight and propaganda were pure political and the public denying of king-worship was based, first of all, on the hate to Macedonia.

С. Д. Литовченко

АРМЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ МАРКА АНТОНИЯ

Расширение сферы римского влияния на Востоке обычно сопровождалось активным использованием военного и экономического потенциала союзных государств. Умение приобретать сторонников в Азии было отличительной особенностью внешней политики римлян. При этом выгоду из союзных отношений извлекал не только Рим, но и дружественные монархи, которые видели в римлянах надежную опору для борьбы с соседями [1, р. 75–76]. Однако Армянское царство, вопреки общему правилу, в течение второй половины I века до н. э. превратилось из «дружественного и союзного» Риму государства в «яблоко раздора» между римлянами и парфянами. В исторической науке неоднократно рассматривалась политика М. Антония в отношении Армении, однако большинство исследований затрагивают этот вопрос лишь косвенно. В то же время, этот важный эпизод армяно-римских взаимоотношений требует более детального изучения.

В ходе Митридатовых войн Армения была втянута в конфликт с римлянами. Войска армянского царя Тиграна II были разбиты римским полководцем Лукуллом. Но в 66 г. до н. э. Гней Помпей заключил с Тиграном II союзный договор и оказал поддержку в борьбе с царем Парфии [2, с. 199; 209]. Таким образом, римляне признали важность союза с Арменией, и армянское царство вновь вошло в сферу римского влияния на Востоке [2, с. 211]. В то же время неудачный поход триумвира Марка Лициния Красса в Парфию в 53 году до н. э. привел к оккупации Армении парфянами и заключению армяно-парфянского союза. Армянская конница, вероятно, участвовала в последующих столкновениях Парфии с Римом на стороне парфян [3, с. 52]. Однако наибольший урон римской политике в Армении нанес Марк Антоний, спровоцировавший первое антиримское восстание армян в 34 г. до н. э. [4, с. 147; 5, с. 247; 7, р. 437].

Задуманный М. Антонием грандиозный поход в Парфию требовал не только концентрации римских сил на Востоке, но и активного участия всех реальных и потенциальных римских союзников в Азии. Поражение римских легионов в борьбе с парфянской конницей на равнинах Месопотамии сделало более перспективным северный горный маршрут продвижения римских войск в пределы Парфянского царства. [8, с. 115; 9, с. 109–110; 10, р. 307; 11, с. 273] Именно такой путь предлагал в свое время Марку Лицинию Крассу Артавазд II и, вероятно, обдумывал Юлий Цезарь [Suet. Caes., 44, 3]. Так как этот маршрут проходил только через территорию Армении, роль бывшего союзника в планах М. Антония была исключительно важной [4, с. 138; 6, с. 114]. Естественно, что, начиная

войну с парфянами, М. Антоний должен был обеспечить по крайней мере лояльность царя Артавазда II. Поэтому еще в 37 году до н. э. полководец триумвира Публий Канидий Красс был направлен на Кавказ с 4 легионами [Plut. Ant., 34; Dio Cass., XLIX, 24, 1]. Артавазд II Армянский не только восстановил союзные отношения с Римом, но и стал главным советником М. Антония в парфянском походе [Plut. Ant., 35; Dio Cass., XLIX, 25, 1; Strabo, XI, 14, 9]. Окончив подготовительные мероприятия в 36 г. до н. э., римляне спешно выступили в поход, оставив медленно движущийся обоз под охраной двух легионов и войск союзников [Plut. Ant., 38; Dio Cass., XLIX, 25, 2]. Несмотря на большие надежды, которые М. Антоний возлагал на армянскую кавалерию, позади основных сил римлян оказалась и армия Артавазда II [Plut. Ant., 50].

Легионы М. Антония беспрепятственно проникли в пределы Мидии-Атропатены и приступили к продолжительной осаде атропатенской столицы Фрааспы [Dio Cass., XLIX, 25, 3]. На этом успешное развитие похода было прервано. Неожиданно из Месопотамии вернулись парфянские войска, которые, однако, не спешили спасти осажденный город [Dio Cass., XLIX, 25, 3]. Блестящий маневр Фраата IV привел к выходу парфянской конницы в тыл армии М. Антония и разгрому римского обоза и двух легионов под командованием Оппия Статиана [Dio Cass., XLIX, 25, 3; Plut. Ant., 38]. Под влиянием этих событий армянский царь вернулся в собственное царство вместе с армией. Римляне не смогли вынудить парфян вступить в крупное сражение, не смогли они и взять Фрааспу. Войска Антония вынуждены были отступить в Армению, отражая атаки парфянской конницы и неся значительные потери. Поход в Парфию лишил римлян почти половины легионов и стал одним из самых значительных поражений в истории Республики в I в. до н. э. [8, с. 118].

По мнению большинства античных авторов, главной причиной неудач М. Антония стал отказ от участия в операции Артавазда II [Dio Cass., XLIX, 25, 5; Plut. Ant., 38]. Вероятно, это утверждение содержалось в воспоминаниях легата М. Антония Кв. Деллия, труд которого лег в основу многих источников [5, с. 228; 10, р. 309; 12, с. 358]. В 34 г. до н. э. М. Антоний предпринял новый поход, но уже в Армению для наказания Артавазда II. Кв. Деллий был послан в Арташат с просьбой выдать дочь Артавазда II за сына М. Антония, чем, по-видимому, должен был усыпить бдительность царя [Dio Cass., XLIX, 39, 2]. В начале весны М. Антоний сам двинулся в Армению через Никополь и вынудил Артавазда II выйти из города [Dio Cass., XLIX, 39, 3–4]. После чего царь Армении был арестован, а царство разграблено [Dio Cass., XLIX, 39, 5; Plut. Ant., 50]. Захватили римляне и царскую семью, кроме старшего сына Арташеса, который поднял восстание и после поражения бежал в Парфию [Dio Cass., XLIX, 40, 1]. Артавазда II провели по улицам Александрии в триумфе Марка Антония и впоследствии убили по приказу Клеопатры [Dio Cass.,

XLIX, 40, 3–4; Plut. Ant., 50]. Армения была оккупирована римскими войсками, а царем Армении был объявлен сын М. Антония [Dio Cass., XLIX, 41, 3; Plut. Ant., 54].

Таким образом, итогом римско-армянского союза явилась ликвидация царства. Большинство исследователей видят причины неудач римско-армянского альянса или в действиях Артавазда II, или в непродуманной политике римского полководца [8, с. 119; 12, р. 126; 13, с. 119; ср., 5, с. 247; 11, с. 227; 14, р. 85]. Однако выяснение причин конфликта требует анализа всего спектра римско-армянских отношений в 37–34 г. до н. э.

Уже процесс восстановления римско-армянского союза по-разному описывается в источниках. Согласно краткому замечанию Плутарха, Армения, Албания и Иберия были завоеваны римлянами [Plut. Ant., 34]. Тем не менее Дион Кассий, подробно описавший подчинение албанского и иберийского царя, умалчивает о сопротивлении Артавазда II. Так как упоминание об этих событиях должно было сохраниться у Диона Кассия, очевидно, что П. Канидию не пришлось сражаться с армянами [Dio Cass., XLIX, 24, 1]. В то же время большинство исследователей, соглашаясь с мирным характером подчинения армянского царя, утверждают, что Артавазд II был вынужден уступить силе римского оружия, осознав безнадежность сопротивления [5, с. 242; 6, с. 108; 8, с. 116; 10, р. 307; 12, р. 122; 15, с. 47; 16, р. 72]. Однако восстановление Артаваздом II союза с Римом нельзя трактовать только как вынужденный шаг царя. Четыре легиона, приведенные П. Канидием, были не столь значительной силой для подчинения Армении, ведь уже в следующем году Артавазд II предоставил Антонию минимум 6 тысяч тяжеловооруженных всадников и 7 тысяч пехоты [Plut. Ant. 37; 3; 4, с. 137; 9, с. 109]. Некоторые специалисты полагают, что армянский контингент составлял 7 тысяч пехоты и 16 тысяч конницы [6, с. 122–124]. Новая политическая ситуация, сложившаяся в Передней Азии, не позволяет проводить и прямые аналогии с действиями Тиграна II в 66 году до н. э., когда армянский царь без сопротивления подчинился Помпею [10, р. 307]. Во-первых, Помпей имел в своем распоряжении значительно больше сил, чем П. Канидий. Во-вторых, положение Тиграна II в условиях парфянской угрозы и мятежа Тиграна Юного было менее прочным, чем Артавазда II. Кроме того, Артавазд II мог надеяться на помощь союзной Парфии, а ореол непобедимости римских легионов померк после поражения Красса и парфяно-армянских рейдов вглубь азиатских владений Рима. Авторитет римского оружия не смог полностью восстановить и Вентидий Басс, разбивший армию парфянского царевича Пакора в 39–38 гг. до н. э. Даже менее значительные, чем армянский царь, восточные монархи оказывали римлянам упорное сопротивление, как, например, Антиох Коммагенский, Фарасман Иберийский и Зовир Албанский [Dio Cass., XLIX, 22, 1; 24, 1; Plut. Ant., 34]. Следует полагать, что угроза применения силы не могла оказать

решающего влияния на подчинение Артавазда II римлянам. Дело в том, что, армяно-парфянский союз, возникший в 53 г. до н. э., не может считаться добровольным для Армении. К тому же, избиеение новым парфянским царем Фраатом IV всех царских родственников, среди которых могли быть и представители армянского правящего дома, не добавило прочности армяно-парфянскому альянсу [15, с. 47]. В то же время, союз с Римом открывал перед Артаваздом II перспективу присоединения Мидии-Атропатены и ослабления давнего и опасного соседа-соперника — Парфии [Dio Cass., XLIX, 25, 1; 10, p. 312].

На добровольность действий армянского царя указывает и доверие, оказанное ему М. Антонием [Strabo, XI, 13, 4]. Артавазд II Армянский не только стал главным советником М. Антония, но и предоставил в распоряжение римлян наибольшее количество союзных войск [Plut. Ant., 35; Dio Cass., XLIX, 25, 1; Strabo, XI, 14, 9]. Следовательно, римляне видели в Артавазде II не столько вынужденного перебежчика, сколько заинтересованного союзника. Поэтому еще более поразителен тот факт, что Артавазд II с войском оказался позади основных сил Антония, устремившихся в Мидию-Атропатену.

Анализируя сложившуюся ситуацию, необходимо отвергнуть предположение, что М. Антоний отказался от использования армянской армии из-за недоверия к Артавазду II [16, p. 72]. Во-первых, у М. Антония не было веских причин подозревать Артавазда II в неискренности. Во-вторых, было бы более логично удерживать ненадежного союзника подле себя, чем оставлять его в тылу. В-третьих, хотя источники действительно склонны возлагать немалую долю вины за общее поражение римлян именно на Артавазда II, ни один из них не упоминает о ненадежности армянских войск до разгрома римского обоза [5, с. 228].

По мнению А. Шервин-Уайта, армия Артавазда II играла меньшую роль в планах Антония, чем это утверждают источники и предполагают некоторые исследователи [10, p. 311–314; ср. 16, p. 72; 17, p. 32, 41]. Следовательно, ее присутствие в составе основных сил может быть необязательным. Однако армянская конница, даже тяжелая, была бы более эффективна в условиях стремительного наступления римских легионов, чем в охране обоза.

Обычно отсутствие армянских войск в составе армии М. Антония объясняют возвращением Артавазда II за подкреплениями в столицу Армении Арташат [6, с. 125; 14, p. 83–84]. По мнению И. Кромайера, чья версия остается общепризнанной, смотр войск М. Антония проходил возле Карана (Каринское плоскогорье, Эрзерум). На встречу с римлянами Артавазд II прибыл без войска и вынужден был вернуться за ним в Арташат, в то время как М. Антоний с основными силами двинулся в Мидию-Атропатену по короткой дороге, через современный Баязет, минуя Араратскую долину [14, p. 84; ср. 18, с. 262]. С. Г. Тер-Исраелян, в целом принимая гипотезу И. Кромайера, ссы-

лаясь на Плутарха, убедительно доказывает, что Артавазд II не мог прибыть в Каран без армии [5, с. 211; 6, с. 125–127]. По утверждению исследователя, армянский царь был вынужден вернуться в столицу по требованию М. Антония за дополнительными десятью тысячами конницы [6, с. 127].

Приведенные выше предположения, доминирующие в современной историографии, уже были частично подвергнуты критике [10, p. 311–312]. Однако решение проблемы еще далеко от завершения. Во-первых, гипотеза о возвращении армянского царя в столицу строится на допущении, что не только Артавазд II, но и римский обоз двигались по обходному пути через Арташат, так как короткая южная дорога была непроходима для громадных осадных орудий [19, с. 60]. Но в источниках нет ни единого упоминания о раздельном маршруте легионов М. Антония и обоза [10, p. 312]. И если краткий путь был для обоза непреодолим, то вся римская армия должна была двигаться маршрутом Каран–Арташат–Фрааспа, единственно проходимым для осадных орудий. В этом случае даже наиболее аргументированная версия С. Г. Тер-Исраеляна не объясняет отставания Артавазда II от М. Антония.

Во-вторых, предполагаемое место смотра армий М. Антония — Каринское плоскогорье, действительно допускающее движение в Мидию-Атропатену в обход Арташата, установлено только предположительно, поскольку в источниках нет точного указания на место сбора войск [10, p. 311]. У Плутарха указывается только страна, в которой проходил сбор — Армения [Plut. Ant., 37]. По мнению большинства исследователей, район Карана наиболее удобен для сбора и войск М. Антония, и легионов П. Канидия Красса, и малоазиатских царей — союзников римлян [9, с. 109; 5, с. 211; 20, p. 23]. Но как верно замечает А. Шервин-Уайт, для встречи с П. Канидием Крассом и Артаваздом II не менее удобна местность около Арташата [10, p. 311]. Союзные монархи сопровождали обоз и в любом случае оказывались в Арташате. Наиболее веским аргументом в пользу локализации места сбора войск в Каране является утверждение Плутарха, что М. Антоний в своем движении в Мидию-Атропатену оставил Армению слева [Plut. Ant., 38]. Действительно, из Западной Армении существует путь в Мидию-Атропатену, минуя Араратскую долину. Однако даже эта дорога не оставляет Армению слева в полном смысле этого слова. Двигались ли легионы М. Антония по маршруту Каран–Баязет–Мидия-Атропатена, как предполагали западные ученые, или по дороге Каран–Хой–Мидия-Атропатена — по версии армянских историков, в любом случае римляне проходили по территории Армянского царства [Strabo, XI, 14, 1; 14, p. 84; 18, с. 262;]. Поэтому И. Кромайер и утверждает, что во время своего похода по короткой дороге римляне оставили слева не собственную Армению, а ее наиболее заселенные земли — долину Аракса [14, p. 84]. Но если предположить, что Антоний отправился в Мидию-Ат-

ропотену из Арташата по маршруту Арташат—Ордспу—Хой—Фрааспа, то и в этом случае густонаселенные районы Армении оказываются слева [10, р. 312; 20, с. 159–164] (см. рис. 1). Таким образом высказывание Плутарха не стоит понимать буквально и, следовательно, использовать для определения места сбора. Но в этом случае Арташат, как показано выше, кажется более предпочтительным, чем Каран, местом сбора войска, и отставание Артавазда II не может быть объяснено возвращением в собственную столицу.

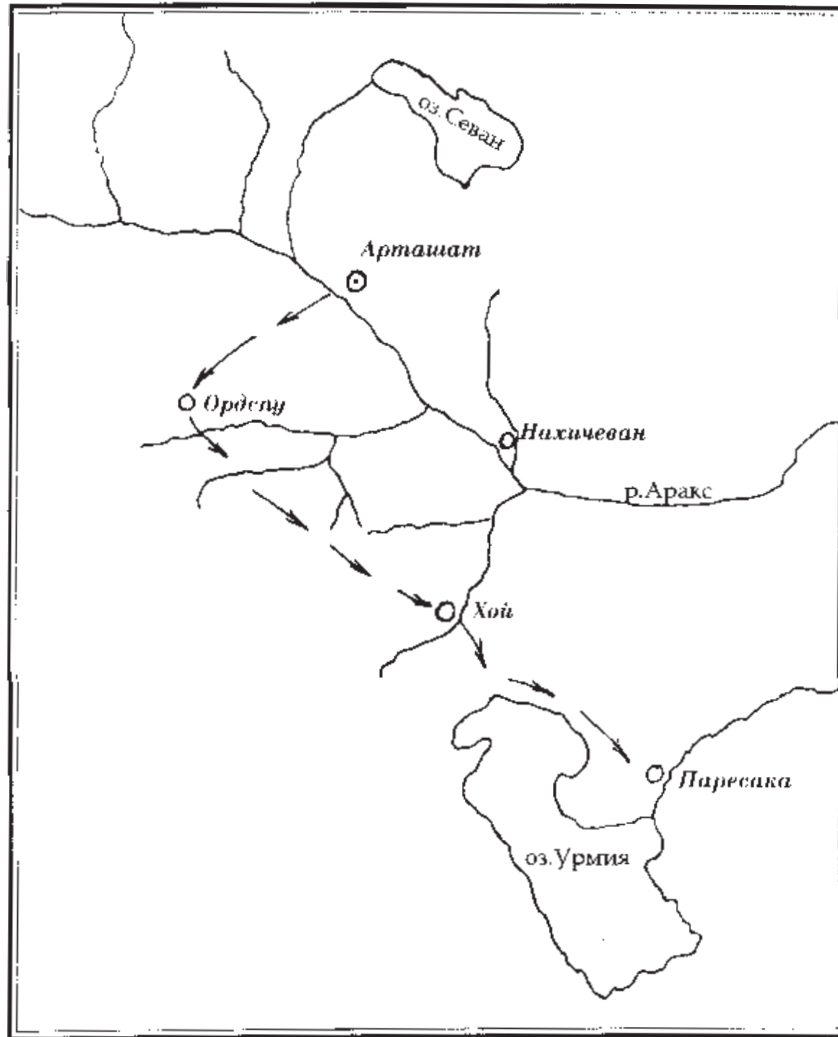

Рис. 1. Вероятный путь армии Марка Антония в Мидию-Атропатену

Если согласиться с тем, что и Артавазд II и М. Антоний двигались в Армении по одной дороге, то необходимо выяснить причины отсутствия армянских войск в числе основных сил М. Антония. Ведь даже приняв версию С. Г. Тер-Израеляна, так как любые реконструкции маршрута римских войск остаются весьма гипотетичными, мы все же не сможем ответить на вопрос: почему Антоний отказался, пусть даже временно, от услуг ближайшего советника и проводника? Так ли было необходимо личное присутствие царя в Арташате для набора дополнительных отрядов конницы?

Кажется, что причины отсутствия Артавазда II в армии М. Антония могут иметь не столько объективный, сколько субъективный характер. Действия М. Антония (стремительный марш к Фрааспе — столице Мидии-Атропатены, отказ от осадных орудий) свидетельствуют только о том (и это подтверждают источники), что римский полководец не собирался штурмовать город [10, р. 315]. В то же время М. Антоний не намеревался обойти укрепленную столицу царства, что подтверждается упорным и безрезультатным штурмом Фрааспы [10, р. 315]. Не мог надеяться М. Антоний и на внезапность удара — после смотра в Армении слух о походе разнесся по всей Азии [Plut. Ant., 38]. Даже если последнее утверждение — вымысел Плутарха и смотр удалось сохранить в тайне, мог ли надеяться М. Антоний, что после его демонстративного похода к Зевгме парфяне и мидийцы могли сомневаться в целях его предприятия? Невольно напрашивается мысль, что М. Антоний ожидал добровольной сдачи Фрааспы. Раздоры в Парфянском царстве могли стать основанием для подобных надежд, так как достаточно жесткая политика Фраата IV могла оттолкнуть от него не только часть парфянской знати, но и зависимых царей, в том числе и Артавазда Атропатенского. Наше предположение основывается на сообщении Диона Кассия [Dio Cass., XLIX, 25, 1]. Рассказ античного историка о походе не содержит, вопреки мнению некоторых исследователей, прямого указания на союз М. Антония и царя Мидии-Атропатены [ср. 9, с. 108]. Но в источнике утверждается, что Артавазд II Армянский упорно настраивал М. Антония против Артавазда Атропатенского, советуя напасть на царство последнего. Однако действия армянского царя нелогичны. Путь из Армении в Парфию проходит только через Мидию-Атропатену, и Антония вовсе не нужно было в этом убеждать. Не будет ли более вероятным предположение, что Артавазд II Армянский пытался опорочить своего конкурента именно потому, что Антоний надеялся на мирное подчинение Мидии-Атропатены? В этом случае объяснимо отсутствие армянских войск в авангарде армии М. Антония. В I в. до н. э. Мидия-Атропатена часто становилась объектом агрессии со стороны Армении, и в описываемый период армяно-атропатенские отношения оставались напряженными, сохранялись претензии армян на атропатенские территории [Strabo, XI, 13, 2].

Армянский историк Мовсес Хоренаци вообще считал, что во времена М. Антония Атропатена была подвластна Армении [Мов. Хор. I, 22]. Поэтому вступление армянских войск в Фрааспу могло быть воспринято в Атропатене негативно, что и обусловило отсутствие армянской конницы в составе основных сил римлян.

В любом случае, отказ от активного использования войск Артавазда II оказался на руку парфянам. Умело использовав разобщенность римских сил, они смогли сорвать планы М. Антония. В то же время большинство источников обвиняют в поражении М. Антония именно армянского царя, так как Артавазд II, после уничтожения парфянами римского обоза, вернулся с войсками в Армению [Dio Cass., XLIX, 25, 5; Plut. Ant., 39; 50; Strabo, XI, 13, 4]. Современные исследователи, отвергая, как правило, версию Страбона об измене царя, обычно соглашаются с Плутархом, что Артавазд II разуверился в силе римлян и отказался участвовать в походе [8, с. 199; 10, р. 314; 18, с. 265; 21, с. 201; ср. 12, р. 125–126]. Подробный анализ причин возвращения армянской конницы провел С. Г. Тер-Исраелян, который пришел к выводу, что поступок Артавазда II был обусловлен достаточно вескими объективными причинами [5, с. 237–241]. Но рассуждения ученого можно дополнить. Артавазд II был участником событий 53 г. до н. э., когда парфянский царь Ород, вместо того что бы всеми силами противостоять легионам М. Красса, оставил против римлян полководца Сурену, а сам оккупировал дружественную римлянам Армению, принудив царство к сдаче [Dio Cass., XL, 16, 2; Plut., Crass, 21, 5]. Ничто не препятствовало парфянам повторить этот маневр, тем более в отсутствие основных сил армян. Итогом подобного развития событий стала бы катастрофа, еще более впечатляющая, чем тяжелое отступление легионов М. Антония, так как, завоевав Армению, парфяне захватывали все римские и армянские войска в громадную ловушку. Напомним, что зимнее отступление римской армии по союзной Армении привело к гибели 8 тысяч солдат от холода и болезней, и можно себе представить масштабы потерь римлян в случае движения по стране с боями. Следовательно, возвращаясь в свое царство, Артавазд II не только спасал свою армию, но и обеспечивал М. Антонию путь для отступления. И действительно, худшие опасения римлян, что парфяне нанесут удар по легионам, переправляющимся через Аракс (армяно-атропатенскую границу), не оправдались, и в пределах Армении нападения парфян прекратились [Plut. Ant., 49].

Кроме того, М. Антоний не воспользовался прекрасной возможностью свалить вину за провал операции на царя и компенсировать солдатам трудности перехода богатой добычей из Армении. Вместо этого римляне спешно покинули царство, неся большие потери при переходе через горы [Plut. Ant., 51].

Таким образом, на основании сообщений источников невозможно сделать вывод о том, что действия армянского царя должны были вызвать недовольство римлян. Возникновение версии о вине армян в про-

вале кампании 36 г. до н. э. С. Г. Тер-Исраелян относит к периоду после завоевания Армении в 34 г. до н. э. [5, с. 246–247]. Этим обвинением римляне, по мнению исследователя, пытались оправдать свои варварские действия в союзном царстве. Однако, если до 34 г. до н. э. упреков в предательстве еще не было, почему Артавазд II старательно избегал встречи с М. Антонием в 35 г. до н. э.? Скорее всего, М. Антоний, оправдывая большие потери, мог использовать версию об измене Артавазда II непосредственно после окончания парфянского похода. Однако, если и существовали подобные обвинения, они должны были оставаться только декларацией. М. Антоний не мог пойти на разрыв с важнейшим союзником в Азии в условиях подготовки нового похода в Парфию. Воспользоваться обвинениями в адрес армянского царя римляне смогли только после изменения ситуации на Востоке.

В 35 г. до н. э. от имени царя Мидии-Атропатены к М. Антонию прибыл царь Полемон, захваченный в плен при разгроме римского обоза. Артавазд Атропатенский разорвал союзные отношения с Фраатом IV и искал союза с римлянами [Dio Cass., XLIX, 33, 1; Plut. Ant., 52]. С появлением нового союзника роль Армении в планах М. Антония уменьшилась. Возникла возможность, захватив Армению, восстановить изрядно пошатнувшийся авторитет полководца. Обвинение Артавазда II в провале парфянского похода стало формальной причиной оккупации Армении. Большинство исследователей соглашаются с тем, что арест армянского царя был продиктован не стремлением уничтожить потенциального предателя, а желанием оправдать собственные промахи [5, с. 247; 9, с. 119; 10, р. 321; 11, с. 227]. В то же время даже это предположение не объясняет того, что случилось с царством. Дело в том, что разгром Армении в 34 г. до н. э. был беспрецедентен для восточной политики Рима. Очевидно, что, обвинив в провале парфянского похода Артавазда II Армянского, М. Антоний, хоть и запоздало, но восстанавливал свой авторитет полководца, а ограбив страну — значительно пополнил казну. В пропагандистских целях необходим был и триумф, для которого второй по значению монарх Азии казался подходящей фигурой. Пока действия М. Антония не выходили за рамки римской внешнеполитической практики конца Республики. Артавазд был далеко не первым союзным монархом, лишенным престола и даже казненным.

Но наказание непокорного царя не требовало ликвидации самого союзного царства. Римляне могли, сохраняя верность внешнеполитическим традициям, передать царство лояльному правителю. Напротив, уничтожение Армении создавало бы новые сложности и для самого М. Антония, и для римского государства в целом. Во-первых, римские легионы оказались бы во враждебном окружении. Во-вторых, М. Антоний лишился возможности использовать союзные армянские войска. В-третьих, если парфяне до 34 г. до н. э. не делали попыток овладеть Арменией, то теперь они получили возможность вмешаться в армянские

дела. Даже если предположить, что захват Армении был спровоцирован сопротивлением армян, меры, предпринятые Антонием, выглядят неадекватными. К тому же Дион Кассий сообщает, что с римлянами сражалось далеко не все население Армении [Dio Cass., XLIX, 40, 1]. Не мог М. Антоний, основываясь только на явно надуманном обвинении Артавазда II, поставить под удар всю восточную политику Рима.

Единственное, на наш взгляд, логичное объяснение поступков М. Антония заключается в том, что он пытался укрепить союз с Артаваздом Атропатенским. Учитывая давние противоречия между Арменией и Мидией-Атропатеной, М. Антоний должен был сделать выбор в пользу царства, занимавшего более выгодное стратегическое положение. В этом случае союз с Мидией-Атропатеной в глазах М. Антония был более важен, так как именно это царство, а не Армения, являлось наиболее удобным плацдармом для наступления на Парфию. Мидия-Атропатена прикрывала границы Армении, следовательно, римские легионы не испытывали постоянной угрозы. Атропатенская конница, сходная с армянской, становилась основой вспомогательных войск. Если принять предлагаемую версию, то шаги, предпринятые М. Антонием, кажутся более оправданными. Ликвидация армянского царства (как уступка царю Мидии-Атропатены) была не слишком высокой ценой для полководца, политическая карьера которого зависела от успеха в новом парфянском походе. Ошибка М. Антония заключалась в том, что он не смог предвидеть стремительное развитие конфликта с Октавианом. Лишенная поддержки римских легионов Мидия-Атропатена не могла противостоять объединенным армяно-парфянским силам. Не менее важным последствием политики М. Антония на Востоке явилось усиление парфянского влияния в Армянском царстве.

Литература

1. Braund D. Rome and the friendly king. The character of the client kingship. — London, 1984.
2. Манандян Я. А. Тигран Второй и Рим. — Ереван, 1943.
3. История армянского народа / Под ред. М. Г. Нерсисяна. — Ереван, 1980.
4. Головки И. Д. Рим и Парфия во время второго триумvirата // Записки Одесского археологического общества. — 1960. — Т. 1 (34).
5. Тер-Израелян С. Г. К вопросу о причинах возвращения армянской конницы во время парфянского похода М. Антония // Научные труды Армянского гос. пед. ин-та им. Х. Абовяна. — Серия общественных наук. — 1967. — Вып. 2.
6. Тер-Израелян С. Г. Место армянской конницы в военном плане римского командования в связи с началом парфянского похода М. Антония // Сб. науч. трудов Армянского гос. пед. ин-та им. Х. Абовяна. — Серия истории. — 1966. — № 1.

7. Magie D. Roman rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ. V. 1. — Princeton, New-Jersey, 1950.
8. Смыков Е. В. Парфянский поход Марка Антония (36-й год до н. э.) // Вопросы отечественной и всеобщей истории. — Саратов, 1987.
9. Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. 2. — М., 1966.
10. Shervin-White A. N. Roman foreign policy in the East. 168 B. C. to A. D. 1. — London, 1984.
11. Моммзен Т. История Рима. Т. 4. — Ростов-на-Дону, 1997.
12. Debevoise N. C. A political history of Parthia. — Chicago, 1969.
13. Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. — Саратов, 1987.
14. Kromayer J. Der Partherzug des Antonius // Hermes. — 1891. — Band 31.
15. Хачикян А. Э. Восточная политика Рима в период становления принципата (Август-Клавдий) и Армения: Дисс. ... канд. ист. наук. — Ереван, 1988.
16. Tarn W. W. The war of the East against the West // САН. V. 10. — Cambridge, 1934.
17. Bengtson H. Zum Partherfeldzug des Antonius. — München, 1974.
18. Манандян Я. А. Критический обзор истории армянского народа. — Ереван, 1944 (на арм. языке).
19. Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—XV н. э.). — Ереван, 1954.
20. Rice-Holmes T. Architect of the Roman Empire. — Oxford, 1928.
21. Гранд К. Армен. Артавазд Второй и Антоний // ИФЖ. — 1970. — № 3 (на арм. языке).

Резюме

У 37 р. до н. е. Марк Антоній поновив союзні відношення з Вірменським царством. Римляни надавали великого значення вірменським військам під час походу проти Парфії. Однак спроба М. Антонія залучити на свій бік Мідію-Атропатену призвела до відмови від активного використання вірменської кінноти. Наслідком цього було охолодження відносин між М. Антонієм і Артаваздом II Вірменським після невдачі парфянского походу. У 34 р. до н. е. М. Антоній, намагаючись зміцнити союз з Мідією-Атропатеною, не тільки арештував Артавазда II, а й ліквідував Вірменське царство, яке погрожувало володінням атропатенських царів. Дії М. Антонія призвели до послаблення римського та посилення парфянского впливу на Вірменію.

Summary

In 37 BC Mark Antonius brushed up allied relations with Armenian kingdom. The Romans set much by Armenian troops in the crusade against Parthia. However, M. Antonius's attempt to draw Media-Atropatene to his side led to the refusal from active using of Armenian cavalry. As a result there was a cooling off in the relations between M. Antonius and Artavasdes II of Armenia

after the failure of Parthian crusade. In 34 BC M. Antonius succeeded not only in the arrest of Artavasdes II, but also he terminated Armenian kingdom which menaced to the domains of Atropatene kings. M. Antonius's actions led to weakening of Roman's influence and strengthened Parthian's influence in Armenian kingdom.

И. П. Сергеев

О «КЛАССИФИКАЦИИ» ПРАВИТЕЛЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРИОДА КРИЗИСА III века

В научной литературе III век н. э. часто характеризуется как некий «водораздел» между двумя периодами истории Римской империи — Принципатом и Доминатом (или ранней и поздней Империями). Обычно это столетие называют кризисным или «периодом кризиса III века» [1, с. 13]. Относительно ряда аспектов проблемы данного кризиса (причины возникновения, характер, продолжительность и др.) современными историками высказываются различные мнения. Однако большинство исследователей считает, что под периодом кризиса III века в Римской империи следует понимать 50 лет между гибелью императора Александра Севера (235 г. н. э.) и провозглашением императором Диоклетиана (284 г. н. э.) [2, с. 208; 3, с. 568]. Одной из характерных особенностей данного периода римской истории была ожесточенная борьба за императорскую власть, ведущая к частой смене правителей государства. По подсчетам немецкого историка А. Демандта, за полстолетия между 235 и 285 годами н. э. число законных обладателей императорского престола и претендентов на него достигает 70 [4, с. 37].

Весьма распространенным явлением в специальной литературе, посвященной изучению социально-политического развития Римской империи в III веке н. э., являются попытки историков выделить среди правителей римского государства те или иные группы. Обычно называются две такие группы — «солдатских» и «сенатских» императоров. При этом исследователи подчеркивают большую роль солдат римской армии в решении вопроса об обладателе императорской власти и называют период кризиса III века «временем военной анархии», «эпохой солдатских императоров» и т. п. [5, с. 77; 6, с. 514; 7, с. 572; 8, с. 83; 9, с. 48; 10, с. 674; 11, с. 95]. Некоторые историки утверждают, что все правители Римской империи периода кризиса III века были «солдатскими» императорами, поскольку они вышли из солдатской среды, солдатами возводились на императорский престол, правили, опираясь на солдат и в интересах солдат [12, с. 698; 13, с. 64, 103; 3, с. 568]. Другие ученые подразделяют

римских императоров III века н. э., руководствуясь своими представлениями о характере кризиса III века в Римской империи. (О взглядах на римских императоров периода кризиса III века М. Ростовцева, Ф. Альтхайма, Е. М. Штаерман см. [14, с. 164–165]).

Недавно вопрос о «солдатских» и «сенатских» императорах периода кризиса III века был рассмотрен в публикации К.-П. Йоне. По его мнению, данный вопрос требует дальнейшего изучения, поскольку он неоднозначно решается современными историками [2, с. 207]. Сам же К.-П. Йоне считает, что для причисления конкретных римских правителей периода кризиса III века к «солдатским» или «сенатским» императорам в качестве критериев должны использоваться сведения о происхождении этих императоров, об их карьере, обстоятельствах прихода к власти, о характере их политики после получения императорской власти [2, с. 225]. Исходя из этих соображений, историк предлагает считать «солдатскими» императорами в узком смысле тех римских правителей III века н. э., которые к моменту прихода к власти не относились к сенаторскому сословию, служа в армии, достигли командных постов и по воле солдат были возведены на императорский престол. «Сенатскими» же в узком смысле, по К.-П. Йоне, были те императоры эпохи «солдатских» императоров, которые получили власть над государством по решению римского сената [2, с. 211].

Насколько мне известно, вышеизложенные предложения немецкого историка относительно трактовки узкого смысла «солдатских» и «сенатских» императоров еще не нашли отклика в специальной литературе. На мой взгляд, они не могут быть вполне приемлемыми хотя бы потому, что между происхождением императоров периода кризиса III века, их карьерой, обстоятельствами прихода к власти и характером проводимой ими политики далеко не всегда прослеживается жесткая связь. Например, император Галлиен был сенатором по происхождению, императорскую власть получил по решению сената, однако древние авторы никак не относили его к «сенатским» императорам. В связи с этим вопрос о подразделении правителей Римской империи периода кризиса III века на определенные группы нельзя признать решенным и после появления публикации К.-П. Йоне. Попытка решения этого вопроса и предпринимается в данной статье.

По моему мнению, для того чтобы прийти к однозначной трактовке вопроса о группах, на которые можно подразделить римских правителей периода кризиса III века, очень важно иметь единое представление о характере данного кризиса. В основе же того, что вопрос о характере кризиса III века в Римской империи решается историками по-разному, лежит неоднозначность трактовки ими самого понятия «кризис». (О трактовке данного понятия в исторической и философской литературе см. [15]). В моем понимании кризис III века в Римской империи был политическим по своему характеру. Это был кризис полити-